

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ США
НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В АТР В ПРЕДДВЕРИИ ТРЕТЬЕГО
ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА¹**

К. О. Чудинова

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук, Москва, Россия

Политика администрации президента США Д. Трампа привела к росту неопределенности, нарушениям работы глобальных цепочек создания добавленной стоимости, способствовала спаду торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На фоне выхода США из Транстихоокеанского партнерства, пересмотра НАФТА, введения тарифов, политики разъединения с китайской экономикой Япония, Китай и другие экономики региона стараются выработать новые механизмы повышения стабильности в АТР. Одним из способов добиться улучшения ситуации является заключение внутри- и межрегиональных соглашений о свободной торговле. На данный момент наиболее вероятными кандидатами на главное многостороннее интеграционное объединение региона являются конкурирующие проекты Китая и Японии – Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТПП). США развивают свой формат свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, который отчасти является противовесом ВРЭП, а также прибегают к заключению двусторонних торговых соглашений, примером которых могут служить первые этапы сделок с Японией и Китаем. Однако, выигрывая за столом переговоров, в перспективе США могут столкнуться с потерями, поскольку региональная интеграция развивается дальше зачастую без участия Америки.

Ключевые слова: интеграционные процессы, торговые войны, внешнеторговая политика.

**THE IMPACT OF US POLICY ON ECONOMIC
INTEGRATION IN THE ASIA PACIFIC
ON THE THRESHOLD OF THE THIRD
DECADE OF THE 21ST CENTURY²**

Ksenia O. Chudinova

The Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The Trump administration's economic policy has led to increased uncertainty, disruption to global value chains, decline in trade in the Asia-Pacific region. Amid the US withdrawal from

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках научного проекта РФФИ № 20-014-00001 А «Глобальные и региональные последствия экономической политики США во втором – начале третьего десятилетия XXI в.: новые вызовы и возможности для России».

² The reported study was funded by RFBR project number 20-014-00001 A «Global and Regional Effects of US Economic Policy in the Second – the Beginning of the Third Decade of the XXI Century: New Challenges and Chances for Russia».

the Trans-Pacific Partnership, revising NAFTA, imposing tariffs, decoupling from the Chinese economy, Japan, China and other economies in the Asia Pacific are trying to develop new mechanisms to increase stability in the region and protect their production networks. One way to improve the situation is to conclude intra-regional and inter-regional free trade agreements, the number of which is increasing. At present, there are two competing mega-FTA projects of China and Japan – the Regional Comprehensive Economic Partnership and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership. The United States is with moderate success developing its own format of a free and open Indo-Pacific, which is partly a counterbalance to the RCEP. The US also concludes bilateral agreements, such as first phases of trade deals with Japan and China. However, winning the negotiating table, the United States can seriously lose in competitiveness, as regional integration develops further - and often without the participation of America.

Keywords: international economic Integration, trade wars, trade policy.

Введение

В период президентства Д. Трампа США отошли от политики, направленной на развитие многосторонних зон свободной торговли, либерализации рынков товаров и услуг, а также факторов производства, углубления интеграции в рамках крупных зон свободной торговли, введения единых для участников этих зон технических стандартов, требований к качеству продукции и т. п. Нынешняя администрация придерживается политики протекционизма и формирования отношений с экономиками-партнерами на основе двусторонних торговых соглашений.

Этот переход был обусловлен и вполне объективными причинами, в частности, огромным внешнеторговым дефицитом США, а также отсутствием эффективного механизма решения торговых споров и конфликтов американских производителей с крупными конкурентами из других стран, в особенности с китайскими компаниями. Существующие механизмы решения споров в рамках ВТО, по мнению администрации президента Трампа, работают ограниченно и не дают нужного результата, а альтернативные пути формирования правил торговли и механизмов принуждения в рамках крупных зон свободной торговли и экономических партнерств с вовлечением большого числа участников снижают возможности Америки добиваться выгодных условий для своих фирм.

Администрация Д. Трампа выбрала свой путь решения данных проблем, выйдя из ТТП, пересмотрев такие действующие соглашения, как НАФТА и соглашение о свободной торговле (ССТ) США с Южной Кореей, а также с помощью прямого давления на Китай с целью сокращения дефицита торгового баланса США.

Пересмотру подверглись и правила взаимодействия США с Японией. Если в период президентства Б. Обамы стороны подписали Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), которое даже было ратифицировано японским парламентом, то при Д. Трампе США вышли

из ТТП и начали вести с Японией двусторонние переговоры, которые закончились подписанием ограниченного торгового соглашения. Первый этап торгового соглашения был подписан и с Китаем. Такая смена политического курса незамедлительно сказалась на двусторонних и многосторонних объединениях в регионе и на перспективах их развития. В результате в Азиатско-Тихоокеанском регионе активизировался процесс переноса производств и заключения дву- и многосторонних соглашений о свободной торговле, призванных обеспечить новые формы взаимодействия, необходимые для функционирования глобальных цепочек создания добавленной стоимости (ГЦС), и стабильность.

Экономическая интеграция в АТР во втором десятилетии XXI в.

В начале второго десятилетия XXI в. крупнейшие экономики Азиатско-Тихоокеанского региона – США, Китай и Япония – начали активно проводить политику, направленную на укрепление своей роли в развитии региональной экономической интеграции. Китай наряду с известной инициативой «Один пояс – один путь» запустил и другие масштабные проекты, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который начал работу в 2016 г. (в число его учредителей вошли 57 стран Европы и Азии, в 2019 г. – 87 [8]), а также Новый банк развития (совместно с другими странами БРИКС).

Несмотря на то что США отнеслись к данной инициативе отрицательно, многие союзники Америки (в их числе Великобритания, Австралия, Южная Корея) участвовали в учреждении Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Япония поддерживает некоторые проекты АБИИ, софинансируя их [8].

В то же время премьер-министр Японии Синдзо Абэ предложил свой план по оживлению экономики страны, получивший впоследствии название абэномика, курс которой наряду с монетарной и налоговой политикой направлен на дальнейшую либерализацию японской экономики и активное участие Японии в многосторонних интеграционных объединениях. В русле этой политики премьер-министру С. Абэ удалось преодолеть сопротивление аграрного сектора внутри страны и вовлечь Японию в переговоры по Транстихоокеанскому партнерству [3].

В свою очередь администрация президента Б. Обамы претворяла в жизнь стратегию «Разворот в сторону Азии», краеугольным камнем которой было создание и дальнейшее развитие Транстихоокеанского партнерства в качестве противовеса растущему влиянию КНР. При этом участие Китая в данном объединении изначально не планировалось.

Вступление Японии в ТПП было успехом как американской дипломатии, так и администрации С. Абэ, а также важным шагом, после которого у данной зоны свободной торговли появились все шансы стать основой и моделью для дальнейшей экономической интеграции в регионе.

Нужно отметить, что данный договор относился к ССТ нового типа. Ранее считалось, что ТПП было образцовым торговым соглашением XXI в. стандарта ВТО+ с высоким уровнем либерализации торговли и инвестиций и широким кругом подпадающих под его действие вопросов в дополнение к торговле товарами, услугами, инвестициям и другим стандартным статьям, включая регламентации по электронной торговле, деятельности государственных предприятий, государственным закупкам, рабочей силе и окружающей среде.

Также развивалась интеграция в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства – ВРЭП (Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP). В переговорах участвовали 16 экономик (10 экономик АСЕАН, а также Китай, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и Индия). У АСЕАН были подписаны соглашения о свободной торговле с каждой из этих шести стран. Безусловно, лидером в данном формате выступал Китай, противовес которому составляли Япония и в какой-то мере Индия.

Вместе с тем за последние сорок лет значительно поменялись условия международного разделения труда и специализации стран региона. Глобальные цепочки добавленной стоимости распространились по всем странам АТР, связывая экономики в прочную и разветвленную сеть на основе экстенсивного и интенсивного, вертикального и горизонтального развития. Подписание двусторонних, региональных и межрегиональных соглашений о свободной торговле в АТР является как следствием распространения в регионе ГЦС, так и основой для их дальнейшего формирования и углубления.

Безусловно, прогресса и единой позиции сторон обычно легче добиться в переговорах о двусторонних ССТ, чем о многосторонних (что и осуществляет на практике администрация Д. Трампа). Но первые в большом количестве создают многочисленные пакеты различных предписаний и стандартов, которые плохо сочетаются между собой и, соответственно, отрицательно влияют на торговлю и участие компаний в ГЦС. В АТР это привело к так называемому эффекту «миски спагетти». С целью систематизировать эти договоры и перейти к более глубокой интеграции в 2012 г. были запущены переговоры о создании на основе формата АСЕАН +6 нового объединения – ВРЭП [12].

ТПП и ВРЭП являлись конкурирующими форматами, оба из которых предусматривали глубокую интеграцию (хотя ТПП можно назвать более прогрессивным), но в первом исключалось участие в выработке условий соглашения Китая, а во втором – США.

В целом в регионе было поступательное движение к либерализации торгово-экономических связей и многосторонней экономической интеграции, наметившееся еще при администрации Дж. Буша-младшего и активно развиваемое при администрации Б. Обамы, с разворотом в АТР.

Положение дел изменилось, когда президентом США был избран Д. Трамп. В январе 2017 г. сразу после его вступления в должность США вышли из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. К этому моменту договор был подписан всеми двенадцатью экономиками-участниками, включая сами США и Японию, и уже ратифицирован японским парламентом. До этого Америка никогда не выходила из уже подписанных договоров. Данный шаг, безусловно, снизил возможности США влиять на дальнейшее развитие экономической архитектуры региона и выступать в роли лидера – законодателя норм и правил в противовес Китаю. По подсчетам А. Петри и М. Пламмера, если бы США не вышли из ТТП их возможный годовой доход от участия в Партнерстве к 2030 г. составил бы 133 млрд долларов [10]. При этом США перешли к двустороннему формату взаимодействия с экономиками-партнерами и пересмотрели существующие соглашения о свободной торговле.

Предпринятые шаги стали попыткой решить существующие масштабные проблемы американской экономики: огромный дефицит торгового баланса (в особенности, с Китаем) и относительную потерю лидерства и конкурентоспособности американских фирм в отдельных отраслях промышленности.

К подобным проблемам относится и перенос производств за рубеж, который, по мнению администрации президента Трампа, приводит к потере рабочих мест и инвестиций в самих США. Ключевыми здесь выступают факторы, провоцирующие возникновение этих проблем, в первую очередь – развитие экономики Китая, а также его нечестные конкурентные практики, в результате которых китайский импорт в США значительно превышает американский экспорт в Китай [1]. Одной из главных претензий, предъявляемых администрацией США к Китаю, является наличие у последнего мощной государственной поддержки бизнеса (в частности, субсидирования) и существование госкорпораций, конкуренция с которыми на равных условиях зачастую невозможна.

Что интересно, в обновленный вариант договора НАФТА – ЮСМКА – было добавлено условие, при котором, если один из участников ведет переговоры о создании зоны свободной торговли с нерыночной экономикой, остальные участники имеют право выйти из соглашения. Безусловно, под нерыночной экономикой подразумевается Китай¹.

¹ Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada. Chapter 32. Office of the United States Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (дата обращения: 04.01.2020).

Начиная со второй половины 1970-х гг. дефицит торгового баланса США практически все время возрастал. Это положение отчасти компенсировалось положительным сальдо в торговле услугами. Однако в целом дефицит торгового баланса очень велик и в 2018 г. составил 627 679 млн долларов [14].

Как видно, проблема дефицита торгового баланса со многими партнерами США, в частности с Китаем, остается крайне актуальной. При этом текущий курс на протекционизм администрации Д. Трампа не является для американской политики каким-то новым явлением. Только на примере экономического взаимодействия с крупнейшим и давним торговым партнером США – Японией – можно выделить множество волн политики протекционизма, направленной на целый ряд японских товаров.

В то же время увеличение дефицита торгового баланса США с Китаем после вступления последнего в ВТО обусловлено в том числе переносом в Китай производственных мощностей из таких стран, как Япония и азиатские НИС, а это не что иное, как развитие ГЦС, которые стали одним из ключевых механизмов формирования внешнеторгового дефицита США с Китаем в торговле промышленной продукцией за последние два десятилетия [7].

Для борьбы с дефицитом торгового баланса США и сокращения зависимости США от китайского импорта администрация Д. Трампа в течение 2018–2019 гг. ввела ряд тарифных ограничений на китайскую продукцию, на что незамедлительно последовали ответные меры КНР.

В сентябре 2019 г. средний тариф на китайский импорт в США составил 21 %, при этом тарифы покрывали 64,5 % всего объема ввозимых из Китая товаров. Значительная часть этих ограничений вводилась в качестве мер борьбы с нечестными торговыми практиками в рамках Раздела 301 Закона о торговле 1974 г. [6]

Достигнутое в результате напряженных переговоров с применением политического давления соглашение по торговле между США и Японией, равно как и первый этап соглашения с Китаем, являются хорошей иллюстрацией внешнеэкономической политики администрации Д. Трампа и ее попыток решить проблему дефицита торгового баланса США путем заключения двусторонних договоров с партнерами.

Первые этапы двусторонних соглашений США с Японией и Китаем

В первую очередь американской администрации соглашение с Японией было необходимо, чтобы решить проблемы фермеров, которые из-за торговой войны оказались в невыгодном положении (ответные пошлины на их продукцию ввел Китай). Поэтому конкуренты американских производителей из стран, входящих во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве – ВПТПП

(Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership – CPTPP), а после заключения ЕРА – из стран ЕС, оказались на японском рынке в значительно лучшем положении.

Из-за угроз администрации президента Трампа ввести тарифы на японские автомобили и запчасти, кабинет С. Абэ был вынужден провести переговоры и пойти на максимальные уступки. Однако условием японской стороны было, что соглашение с США не выйдет за рамки, оговоренные ранее в ТТП. Одними это было воспринято как возможность для Японии сопротивляться давлению, а другими – как чрезмерно мягкая позиция и отсутствие свободы маневра. По итогам переговоров осенью 2019 г. США и Япония заключили два соглашения – о торговле и о цифровой торговле. В декабре оба договора были ратифицированы японским парламентом и вступили в силу 1 января 2020. Япония обязалась снять или снизить тарифы на ввоз американской сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на 7,2 млрд долларов (в дополнение к товарам на 5,2 млрд долларов, которые уже не облагались пошлинами)¹. В итоге американские поставщики должны были оказаться примерно в одинаковом положении с фермерами из стран ВПТТП.

Со своей стороны США обязались сократить или отменить тарифы на ряд категорий сельскохозяйственного импорта из Японии (объем их импорта в 2018 г. составлял примерно 40 млн долл.), а также на некоторые промышленные товары².

Значительно более глубоким является соглашение по цифровой торговле, поскольку в этой области стороны имеют сходные цели. Оно опирается на стандарты, заданные переговорами по заключению Соглашения между США, Мексикой и Канадой (ЮСМКА) [15]. Однако главный камень преткновения в двусторонних отношениях – тарифы на японскую автомобильную продукцию, – отмену которых предусматривало ТТП, не упоминаются в договоре. В соглашении нет ни слова ни про отмену существующих тарифов (около 2,5%), ни про обязательство не вводить новые. Поскольку данные торговые соглашения – всего лишь этап на пути к полноценному ССТ США с Японией, возможно, эти вопросы будут обсуждаться позднее.

Первый этап американо-китайского соглашения характеризуется столь же своеобразным подходом к регулированию двусторонних торговых отношений. США 15 января 2020 г. подписали документы по первой фазе торгового соглашения с Китаем. Даже если по его условиям тарифы

¹ Fact Sheet on U.S. – Japan Trade Agreement. Office of the United States Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement> (дата обращения: 20.12.2019).

² Fact Sheet on U.S. – Japan Trade Agreement. Office of the United States Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement> (дата обращения: 20.12.2019).

будут снижены, доля импорта, который они ограничивают, останется прежней – 64,5% [6]. Средний тариф, введенный Китаем на американский импорт, останется на уровне 20,9%, что в два с половиной раза превышает уровень тарифов до начала конфликта – 8%. Объем импорта, облагаемого пошлинами, составит более 56,7% [6]. Интересно, что в соглашении не предусмотрено снятие тарифов Китаем, но предусмотрено ограниченное сокращение американских тарифов.

Последствия торговой войны США и Китая и новые форматы сотрудничества в АТР

До тех пор пока США активно развивали Транстихоокеанское партнерство, оставалась надежда на то, что именно это объединение станет основой и образцом для региональной интеграции. После выхода США из ТТП какое-то время альтернативы ВРЭП не было, а это означало, что ведущей экономикой, определяющей форму дальнейшей экономической интеграции в АТР, остается Китай. При этом в результате американо-китайской торговой войны резко возросла неопределенность, которая губительно отражается на инвестициях и функционировании предприятий.

На протяжении почти всего 2019 г. глобальная торговля товарами сокращалась, что было особенно заметно в случае с многими развитыми и развивающимися экономиками, такими как Китай и остальная часть Восточной Азии. Заметное сокращение выпуска промежуточных товаров и средств производства в странах G20, наблюдавшееся в прошлом году, сочетается с сокращением объемов торговли и инвестиций. С конца 2018 г. экспортные заказы как на товары, так и на услуги сокращались, притом что экспортные услуги демонстрировали большую устойчивость. Спад в торговле услугами был сосредоточен в таких сферах, как финансовые операции, строительство и туризм, которые в совокупности составляли более трети мировой торговли услугами [16].

В 2019 г. экспорт из развитых стран Азиатско-Тихоокеанского региона упал на 4,8%, в то время как экспорт из развивающихся стран – на 1,4%. Без учета Китая экспорт из развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона фактически сократился на 2,5%. Эта ситуация частично отражает масштабные побочные эффекты от торговой войны между США и Китаем в остальной части региона. В целом самые большие сокращения экспорта в течение 2019 г. наблюдались у шести стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Республики Корея, Индонезии, Гонконга, Китая, Японии и Сингапура [5].

Предполагается, что преференциальные торговые соглашения смогут помочь развитию институтов внутри страны, поскольку содействуют реформированию и позволяют получить техническую и финансовую помощь и таким образом способствуют активному участию экономики в

ГЦС. За последние десятилетия либерализация тарифов стала результатом переговоров о двусторонних и региональных ПТС между развивающимися и развитыми странами. Азиатско-Тихоокеанский регион является примером такой интеграции компаний как по горизонтали, так и по вертикали.

Необходимость обеспечить доступ к рынкам в условиях растущего протекционизма ожидаемо привела к увеличению числа преференциальных торговых соглашений. Об этом свидетельствует число новых договоров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подписанных или находящихся на стадии обсуждения. С января 2017 г. по август 2019 г. странами Азиатско-Тихоокеанского региона было подписано 20 новых ПТС. Из них 7 были подписаны в 2017 г., 10 – в 2018 г. и 4 – в 2019 г. Это двукратное увеличение числа подписанных ПТС по сравнению с периодом 2015–2016 гг. Хотя переговоры по большинству из этих соглашений начались до 2017 г., можно обоснованно предположить, что потребность в заключении соглашений за последние три года возросла. По состоянию на август 2019 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе велись переговоры по 96 ПТС [5].

После выхода США из ТТП Китай стремился занять в региональной интеграции лидирующие позиции. На 16 стран – участников крупнейшего в АТР проекта ССТ – ВРЭП приходится 30% мирового ВВП и 45% населения мира [12]. Следующим по масштабу стало Всестороннее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве на базе ТТП, которое развивает Япония.

Поскольку у Японии, традиционно находящейся в поиске равновесия между США и Китаем, в регионе имеются значительные инвестиции и развитая сеть предприятий, она делала все возможное, чтобы обеспечить региональную стабильность и защитить свои интересы и своих производителей. Для этого японская администрация во главе с С. Абэ пошла на беспрецедентную по масштабу инициативу и предприняла значительные усилия, чтобы сохранить ТТП и добиться ратификации соглашения экономика-участницами. При этом новое соглашение ТТП-11 (Всестороннее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве) было сохранено практически в неизмененном виде (ряд условий, важных для американской стороны – механизм разрешения споров между инвестором и государством, защита авторских прав и финансовый сектор – были заморожены), чтобы в случае желания США повторно вступить в Партнерство это можно было легко осуществить. В итоге 11 оставшихся членов ТТП в марте 2018 г. подписали новое соглашение, а в декабре 2018 г. оно вступило в силу. Несмотря на то что ВПТТП меньше по масштабу, чем ТТП, в данной зоне свободной торговли проживают 500 млн человек и производится 13,5% от мирового ВВП (около 10 трлн долл.). Ряд стран, например Таиланд, уже выразил предварительное

намерение присоединиться к соглашению. Безусловно, ВПТТП представляет собой довольно продвинутую модель регионального развития и интеграции, обеспечивая значительную степень защиты инвестициям и интеллектуальной собственности и предъявляя более высокие требования к прозрачности государственных предприятий [8].

Из-за торговой войны ряд интеграционных процессов развивался быстрее, были завершены переговоры по ЗСТ между Японией и ЕС, и в феврале 2019 г. соглашение об экономическом партнерстве между ними вступило в силу. Данное соглашение необходимо для эффективного функционирования компаний в рамках ГЦС в разных странах.

По мере развития конфликта между США и КНР, Китай активно старается укрепить позиции своих производителей, налаживая более тесное торговое взаимодействие с Японией и развивая совместные инфраструктурные проекты. Япония в ответ проявляет все больший интерес к сотрудничеству с Китаем в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и других проектов. Еще одно направление внешнеэкономической политики КНР – создание зоны свободной торговли в рамках ВРЭП на основе формата АСЕАН+6 (10 стран АСЕАН, Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и Индия) [2].

Япония и сама развивает ряд региональных инициатив (например, инфраструктурный проект the Partnership for Quality Infrastructure), и продолжает выделять средства на официальную помощь развитию стран региона. Для того чтобы снизить риски и уменьшить неопределенность, Япония активно вовлекает Китай в региональную экономическую интеграцию. Япония участвует в интеграционных инициативах, где лидерство принадлежит Китаю, поскольку это оставляет возможность воздействовать на ситуацию и менять баланс сил в свою пользу. Главным таким проектом остается ВРЭП.

Настойчивость Японии в сохранении ВПТТП отчасти объясняется тем, что это соглашение может стать одной из новых моделей интеграции в регионе и укрепит позиции Японии на переговорах в рамках ВРЭП. После того как на саммите АТЭС в 2014 г. Китай предложил создать зону свободной торговли в масштабе АТР (Free Trade Area of the Asia-Pacific – FTAAP), ВРЭП для КНР стало важной ступенью на пути к этой цели. В связи с этим продолжая переговоры в рамках ВРЭП, Японии было необходимо участвовать и в ТТП – соглашении, позволяющем формировать правила региональной торговли на более высоком уровне и задающем более развитую модель интеграции.

Относительная стабильность в рамках ВПТТП позволяет японским компаниям увеличивать инвестиции и получать расширенный доступ к рынку стран-участниц. Верно и обратное – данное соглашение позволяет

в какой-то мере защитить регион от торговой войны между крупнейшими экономиками, предоставляя пространство для свободной торговли по четко определенным правилам.

США в свою очередь, несмотря на смену вектора своей внешнеэкономической политики, не хотят, чтобы зона свободной торговли в АТР была сформирована без них (вероятно, с Китаем в качестве лидера), а Китай слишком сблизился с главным союзником Америки в регионе – Японией. Поэтому, кроме давления на Японию и Китай с целью заключить двусторонние торговые соглашения, США вернулись к идее возглавить региональную интеграцию, предложив формат Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (Free and open Indo-Pacific – FOIP). Эта идея (не новая для региона и для самих США, но до того не встречавшая масштабной поддержки) прозвучала в выступлениях Д. Трампа, затем была прописана в Стратегии национальной безопасности США 2017 г., и предполагает сдерживание распространения китайского влияния в регионе и в то же время укрепление двусторонних торговых отношений с такими демократическими странами, как Индия, Австралия, Япония на основе принципов «честной и взаимовыгодной торговли»¹. Госсекретарь М. Помпео подробно осветил стратегию FOIP на Индо-Тихоокеанском деловом форуме в Вашингтоне в июле 2018 г. и подтвердил выделение 113 млн долларов на развитие цифровой экономики, энергетики и инфраструктуры региона, а также поддержку таких региональных объединений, как АСЕАН, АТЭС, Indian Ocean Rim Association (IORA) [9]. Экономическая политика Китая в Индо-Тихоокеанском регионе подвергается критике в Стратегии национальной обороны США 2018 г.²

Администрация президента Трампа придает большое значение экономическим аспектам региональной политики. США должны активно участвовать в региональной интеграции, по возможности возглавляя ее, в противном случае они рискуют остаться в стороне от крупных зон свободной торговли, которые сейчас формируются. В концепции Индо-Тихоокеанского региона подчеркивается важность для Америки торгово-экономического взаимодействия с Индией.

В Стратегии национальной безопасности прямо сказано, что «экономическая безопасность США является их национальной безопасностью»³.

¹ National Security Strategy of the United States of America. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).

² Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. U.S. Department of Defense. – URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).

³ National Security Strategy of the United States of America. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).

Отсюда стремление администрации максимально урегулировать экономические конфликты и дисбалансы США в отношениях с партнерами.

Для того чтобы поддерживать регион в свободном и открытом состоянии и укрепить свои позиции, при президенте Трампе был принят ряд мер. Среди наиболее заметных можно назвать принятие в 2018 г. Закона об инициативе по подтверждению стратегии США в Азии (Asia Reassurance Initiative Act – ARIA) и Закона о лучшем применении инвестиций, направленных на развитие (Better Utilization of Investments Leading to Development Act – BUILD)¹. 1 июня 2019 г. был опубликован Доклад по Индо-Тихоокеанскому региону. В конце декабря 2019 г. Конгресс одобрил финансирование законопроекта ARIA в размере 2,5 млрд долларов [13].

В рамках BUILD была создана Корпорация финансирования и содействия международному развитию (International Development Finance Corporation – DFC), призванная заменить устаревшие институты помощи развитию, в частности, Корпорацию частных зарубежных инвестиций (Overseas Private Investment Corporation – OPIC). Основная причина создания этого агентства – необходимость ответить на китайский «Один пояс – один путь», а также продвижение американских инфраструктурных и инвестиционных проектов в регионе. Для этих целей может быть выделено значительное финансирование, вдвое превосходящее ассигнования на работу OPIC – 60 против 29 млрд долларов².

Важно отметить, что администрация президента Трампа предполагала упразднить OPIC наряду с некоторыми другими государственными агентствами. Однако по мере направления внешнеэкономической политики США в русло сдерживания Китая это решение было изменено на противоположное.

Безусловно, не все направления, прописанные в законопроектах, совпадают с приоритетами администрации Д. Трампа. Так, администрация пока не уделяет того внимания сотрудничеству с АСЕАН или развитию торговли в рамках многосторонних форматов, какое предписано ARIA. Но в любом случае их принятие подчеркивает важность Индо-Тихоокеанского региона для американской политики, будь то стратегия президента Трампа или более широкий контекст внешнеполитического взаимодействия США с регионом.

Несмотря на данные инициативы, успех развития стратегии Индо-Тихоокеанского региона в общем контексте экономической политики Д. Трампа в АТР остается спорным. Необходимо проведение комплексной внешнеэкономической политики, побочным эффектом от которой, однако не будет замедление роста мировой торговли и масштабного переноса производств.

¹ Asia Reassurance Initiative Act of 2018. The Law Library of Congress. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736> (дата обращения: 15.12.2019).

² Ibid.

В последнее время у стран АТР возникает все больше сомнений в том, что региональная интеграция может обеспечить стабильность в условиях растущего протекционизма за пределами региона. После семи лет переговоров Индия решила выйти из ВРЭП из-за ряда внутренних причин, хотя остальные 15 стран-участниц объявили о том, что ожидают подписания соглашения в 2020 г. У Индии все еще остается возможность присоединиться к соглашению на следующей стадии.

Вместе с тем усугубляется торговый конфликт между Японией и Республикой Корея, что потенциально может повлиять на внутрорегиональную торговлю компонентами и материалами для производства компьютерных микросхем и других высокотехнологичных продуктов. Кроме того, дополнительные риски создают протестные настроения жителей Гонконга, что тоже может сказаться на торговле и инвестициях в регионе, особенно в сфере услуг.

Длительная торговая война способствует переносу торговли и инвестиций из Китая в некоторые страны Восточной Азии и АСЕАН, где бизнес может работать за рамками введенных тарифных ограничений по крайней мере какое-то время.

Несмотря на то что полностью сгладить негативные последствия торговой войны невозможно, двустороннее соглашение между США и Китаем и углубление интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут повысить доверие инвесторов и потребителей, что вызовет умеренный рост торговли.

После прихода Д. Трампа на пост президента США и изменений во внешнеэкономической политике Соединенных Штатов в АТР идет активный поиск новых форматов сотрудничества и развития уже существующих направлений. Роль США в этом процессе меняется. Дональд Трамп предпочитает двусторонние торговые договоры многосторонним, что видно на примере американо-японских и американо-китайских торговых соглашений. В то же время Соединенные Штаты в последние несколько лет поддерживают идею свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, который должен служить противовесом влиянию Китая. Важное место занимают в происходящих процессах страны АСЕАН, на базе которой строятся многие интеграционные проекты, например, ВРЭП. Центром формирования многосторонних торговых связей продолжает быть Китай, растет влияние Индии, более активную роль стала играть Япония, проявившая себя в качестве лидера при создании ВПТТП.

Таким образом, притом что американский рынок продолжает оставаться важнейшим рынком сбыта для стран региона, США отошли от своей традиционной политики либерализации экономических связей. В результате американо-китайской торговой войны как в мире, так и в АТР наблюдается замедление темпов роста и снижение деловой активности. Поскольку экономики региона, как развитые, так и развивающиеся,

уже тесно связаны производственными цепочками, торговлей, инвестициями, совместными инфраструктурными проектами, заинтересованы в сохранении стабильного и долговременного сотрудничества, политика США в какой-то степени подталкивает их к сближению друг с другом.

Список литературы

1. Лебедева Л. Ф. Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – № 8. – С. 25–37.
2. Лебедева Л. Ф. Китайский вектор политики США во второй половине текущего десятилетия: экономический аспект // Международная торговля и торговая политика. – 2019. – № 1 (17). – С. 19–30.
3. Международная торговля: вчера, сегодня, завтра : коллективная монография / отв. ред. А. В. Шишкин. – М. : РУСАЙНС, 2017.
4. Akhtar S. I., Lawson M. L. BUILD Act: Frequently Asked Questions about the New U.S. International Development Finance Corporation. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R45461.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).
5. Anukoonwattaka W., Lobo R. S. An Update on the preferential Trade Agreements of Asia-Pacific Economies. Trade, Investment and Innovation Division, United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. ESCAP Trade Insights Issue N 27. – URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Trade%20insights%20APTIAD%2022Oct%20.pdf> (Дата обращения: 15.12.2019).
6. Bown C. P. Phase One China Deal: Steep Tariffs Are the New Normal. Peterson Institute for International Economics. – URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/phase-one-china-deal-steep-tariffs-are-new-normal> (дата обращения: 04.01.2020).
7. Global Value Chain Development Report 2019. Technological Innovation, Supply Chain Trade and Workers in a Globalized World. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvcd_report_19_e.htm (дата обращения: 09.01.2020).
8. Katada S. N., Nakagawa J., Schaede U. Charting a Path for a Stronger US-Japan Economic Partnership. NBR Special Report no. 75. The National Bureau of Asian Research. – URL: <https://www.nbr.org/publication/charting-a-path-for-a-stronger-u-s-japan-economic-partnership/> (дата обращения: 15.01.2020).
9. Parameswaran P. Trump's Indo-Pacific Strategy: Confronting the Economic Challenge // The Diplomat. – 2018. – N 7. – URL: <https://thediplomat.com/2018/07/trumps-indo-pacific-strategy-confronting-the-economic-challenge/> (дата обращения: 15.12.2019).
10. Petri P. A., Plummer M. G. China Should Join the New Trans-Pacific Partnership. Peterson Institute for International Economics, 2016. – URL:

<https://www.piie.com/publications/wp/wp16-2.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).

11. Pitakdumrongkit K. K. The Impact of the Trump Administration's Indo-Pacific Strategy on Regional Economic Governance. Policy Studies 79. The East-West Center. – URL: https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/ewc_policy_studies_79_web.pdf?file=1&type=node&id=37123 (дата обращения: 15.12.2019).

12. Pomfret R. Different Paths to Economic Integration in Europe and Asia // ADBI Working Paper 1063. – URL: <https://www.adb.org/publications/different-paths-economic-integration-europe-and-asia> (дата обращения: 15.01.2020).

13. Thayer C. Asia Reassurance Initiative Act: Framework for a US Indo-Pacific Strategy? // The Diplomat. – 2020. – N 1. – URL: <https://the-diplomat.com/2020/01/asia-reassurance-initiative-act-framework-for-a-us-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 20.01.2020).

14. U.S. Trade in Goods by Country. The U.S. Census Bureau. – URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.html> (дата обращения: 12.01.2020).

15. Williams B. R., Cimino-Isaacs C. D. U.S. – Japan Trade Agreement Negotiations. Congressional Research Service. 2019. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11120> (дата обращения: 20.01.2020).

16. World Bank. January 2020 Global Economic Prospects: Slow growth, policy challenges. The World Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/01/08/january-2020-global-economic-prospects-slow-growth-policy-challenges> (дата обращения: 12.01.2020).

References

1. Lebedeva L. F. Globalnye i lokalnye efekty politiki SSHA v period prezidentstva Trampa [Global and Local Effects of US Policy under Trump's Presidency], *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2019, No. 8. pp. 25–37. (In Russ.).

2. Lebedeva L.F. Kitayskiy vektor politiki SSHA vo vtoroy polovine tekushchego desyatiletiya: ekonomicheskiy aspekt [Chinese Vector of US Policy in the Second Part of the Current Decade: Economic Aspect], *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2019, No. 1 (17), pp. 19–30. (In Russ.).

3. Mezhdunarodnaya trgovlya: vchera, segodnya, zavtra [International Trade: yesterday, today, tomorrow], kollektivnaya monografiya, edited by A. V. Shishkin. Moscow, RUSAYNS, 2017. (In Russ.).

4. Akhtar S. I., Lawson M. L. BUILD Act: Frequently Asked Questions about the New U.S. International Development Finance Corporation. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R45461.pdf> (accessed 15.12.2019).

5. Anukoonwattaka W., Lobo R. S. An Update on the preferential Trade Agreements of Asia-Pacific Economies. Trade, Investment and Innovation Division, United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. ESCAP Trade Insights Issue N 27. Available at: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Trade%20insights%20APTIAD%2022Oct%20.pdf> (accessed 15.12.2019)

6. Bown C. P. Phase One China Deal: Steep Tariffs Are the New Normal. Peterson Institute for International Economics. Available at: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/phase-one-china-deal-steep-tariffs-are-new-normal> (accessed 04.01.2020).

7. Global Value Chain Development Report 2019. Technological Innovation, Supply Chain Trade and Workers in a Globalized World. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvcd_report_19_e.htm (accessed 09.01.2020).

8. Katada S. N., Nakagawa J., Schaede U. Charting a Path for a Stronger US-Japan Economic Partnership. NBR Special Report no. 75. The National Bureau of Asian Research. Available at: <https://www.nbr.org/publication/charting-a-path-for-a-stronger-u-s-japan-economic-partnership/> (accessed 15.01.2020).

9. Parameswaran P. Trump's Indo-Pacific Strategy: Confronting the Economic Challenge. *The Diplomat*, 2018, No. 7. Available at: <https://thediplomat.com/2018/07/trumps-indo-pacific-strategy-confronting-the-economic-challenge/> (accessed: 15.12.2019).

10. Petri P. A., Plummer M. G. China Should Join the New Trans-Pacific Partnership. Peterson Institute for International Economics, 2016. Available at: <https://www.piie.com/publications/wp/wp16-2.pdf> (accessed 09.01.2020).

11. Pitakdumrongkit K. K. The Impact of the Trump Administration's Indo-Pacific Strategy on Regional Economic Governance. Policy Studies 79. The East-West Center. Available at: https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/ewc_policy_studies_79_web.pdf?file=1&type=node&id=37123 (accessed 15.12.2019).

12. Pomfret R. Different Paths to Economic Integration in Europe and Asia. *ADB Working Paper* 1063. Available at: <https://www.adb.org/publications/different-paths-economic-integration-europe-and-asia> (accessed 15.01.2020).

13. Thayer C. Asia Reassurance Initiative Act: Framework for a US Indo-Pacific Strategy? *The Diplomat*, 2020, No. 1. Available at: <https://thediplomat.com/2020/01/asia-reassurance-initiative-act-framework-for-a-us-indo-pacific-strategy/> (accessed 20.01.2020).

14. U.S. Trade in Goods by Country. The U.S. Census Bureau. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.html> (accessed 12.01.2020).

15. Williams B. R., Cimino-Isaacs C. D. U.S. – Japan Trade Agreement Negotiations. Congressional Research Service. 2019. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11120> (accessed 20.01.2020).

16. World Bank. January 2020 Global Economic Prospects: Slow growth, policy challenges. The World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/01/08/january-2020-global-economic-prospects-slow-growth-policy-challenges> (accessed 12.01.2020).

Сведения об авторе

Ксения Олеговна Чудинова
научный сотрудник ИМЭМО РАН.
Адрес: Национальный
исследовательский институт мировой
экономики и международных
отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук, 117997,
Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.
E-mail: xenia.chudinova@gmail.com

Information about the author

Ksenia O. Chudinova
Researcher of IMEMO RAS.
Address: The Primakov Institute
of World Economy and International
Relations of the Russian Academy
of sciences, 23 Profsoyuznaya Str.,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: xenia.chudinova@gmail.com